

Тина Арсеньева

Стихи к Грузии

1. Кавказ

И небо скрылось, свившись как свиток...

Откровение, гл. 6

Когда наутро Ангел спросит выпренне:
«Что слышно на Земле?» – отвечу: «Выстрелы», –
Так доложу, застукана с поличным
В паршивом кафетерии столичном:
Вмените мне чирикание пичуги,
Неспешный кофе, – то, что не в кольчуге,
Не в гимнастерке, не в бронезилете
Крутой глотаю вар, как весть о лете,
И заскорузлой кровью на пилотке,
Увы, не присыхает кофе к глотке.

А все ведь знаешь сам, фельдъегерь огненный:
Синклит ваш над Балканами не обмер,
Ниже – ни даже! – над Обетованной
Землей, во чреве неба в мясо рваной, –
Вы честно, даже к избранным без скидки,
На небосклоне, как на долгом свитке,
Писали – ведь у вас пера несчетно –
Реестр немногих, кто подставил щеку:
Чтоб, льна не загасив, не стронув струга,
Свернуть сей манускрипт, и очень туго...

Тот день – не день, когда мы все в бессильи,
В заходах шестикрылой эскадрильи
Пытаясь вжаться кубиками смальты, –
Больней, чем с пульей в теле об асфальты,
Пойдем в палящем неотступном свете:
Мы – одного Отца больные дети.
Так что ж ты жжешь меня зрачками, Вестник?
Пытаешь, как там мой грузинский сверстник?..
О горном ли селеньи, взятом с бою?
О той Тамар, что ввысь ушла с тобою?..

2. Центр циклона

Олегу Соколову

Кесарю – подати, Господу – жертва,
Городу – вольности, нрав и закон,
Дабы сумели железные жерла
Плюнуть в миндальные очи икон.

Правды не вылучить нам из навета,
Слушая свару в окрестных домах;
Тесно мы сбились вокруг пятнышка света
Лампы настольной в садовых потьмах.

Честно сбиваемся с мысли в толоке
Мнений, которым не сыщешь порук...
Нас обложили: не свары и склоки
Ныне – локальные войны вокруг.

Здесь еще пуль не роями, и кровля
Если щербатая, ветхость виной.
Память о том, что здесь ветхо и кровно,
Нам не отшибло взрывною волной.

Рдяный стакан, стихотворная нетля...
Войны по кругу раскинули сеть –
Словно вкруг горла прилажена петля,
Пьем, говорим и пытаемся петь.

Сонмы светил, как всегда, терпеливы
К язвам земли, нанесенным в бреду.
Где они, мирные наши оливы?..
Клонит нас в сон в Гефсиманском саду.

3. Порознь

Опять фитиль готовит канонир –
Как знать, во славу или в поношенье?
Чужие войны – расширяют мир;
Своя война – сужает до траншеи.

Чужая брань – и ты уже вдвоем,
Вся даль меж вами – взмах крыла зарницы;
Постигнешь, сколь вместилось в оком
Имен и сколь обманчивы границы,

И как неодолим один предел,
Его же не перейдешь – служенью
Без лести предан древний винодел,
Приставленный к народному брожению.

В кровавом научении: курным –
Сиятельных, уделы неделимы! –
Каким многоголосием стальным
Гремят *роскошной Грузии долины!*

От громов стальногласных далеки,
Мы, имена твердя пред образами,
Бесславней к сердцу вскинутой руки
Властителя с блудливыми глазами,

Хваленую на торжище броню
Клянем, ропща, как нива под стрельбою, –
Но кто нас продал оптом, на корню?
И, в корне, в чем наш грех перед собою?..

4. Вне зоны

Крепкий из хребтов станowych
Перешиблен плевом огня...
Нету здесь у нас боевых
Действий – и поймешь ли меня?..

С неба не снаряда – грозы
Жду; ненарушимы мосты;
Не людской – но кровью лозы
Сладко залипают персты...

Может, это сон наяву –
То, что брешь у мира в корме, –
Ведь с чего бы мне, на плаву,
Нагонять Юпитер во тьме?..

Но луна, висяща в ногах,
Попеняла, в гневе красна:
«На одних твой дом берегах
С очагом, где тлеет война».

Нынче мне – трезвоны тропы
В горькой сорняковой гульбе,
И междоусобной толпы
Горький стон набатный – тебе:

Он таков, что вечного льда
В силах стронуть панцирь с вершин!
Нам не в знак ли – ваша беда,
Если так похоже грешим...

5. Искус

О, мания!..

М. Ц.

То – преисподней мразь, на человекав сеть;
Безумной Грете в зад – твое перо:
«Абхазия, абхазь! Осетия, осеть!»? –
Семидесятый год, как... и – зеро.

Рот крепко мне зашей, сургуч прижми к тесьме
И не взыщи словесной панацеи:
Источник барышей – стенанья на письме,
Покуда псалмопевец не в прицеле.

Артиллеристы, кто вам дал приказ?..
В сумятице узнать не суждено.
Который год волнуется Кавказ,
И солоно грузинское вино;

В нем приворот для русской есть души,
Коль демоны сих мест ей так любезны, –
Не тот ли Зверь, исчадье здешней бездны,
Похмельно изрыгнул огонь в тиши?..

Седым вершинам бес вошел в ребро –
Сровнять могилы: кто высок и прав,
Не докопаться, и ревет: «Зеро!» –
Игрок, счета истории поправ.

6. Источник

Памяти Булата Окуджавы

Нас грезой любви не томил соловей,
Но тот из певцов и кутил,
Который в стремнину кавказских кровей
Смоленские звезды впустил.

Который знавал благородную цель,
Не жаловал в храмах менял,
Хоть, правда, с креста новогоднюю ель
Ничтоже сумняшеся снял;

Но спел он – как русский? грузин? армянин?.. –
Одним лишь помянь: человек, –
В тоске однозвучных почтовых равнин
Изгнаньями спаянный век.

Зарока не ведал певец от тюрьмы
И видел, как бьют по своим;
Попал в тот обвал, в коем выжили мы,
А думали – прочно стоим.

И детям теперь не сложнее, чем юнцам –
Арбатским дворянам его...
Но, мертвых предав хоронить мертвецам,
Спроси-ка: живым каково?

Родным пепелищам отдашь ли поклон,
Приняв как подарок судьбы:
«Пал город великий, погиб Вавилон!» –
И, стало быть, спрос на гробы!..

Каким искушеньям арбатская честь
Подверглась в искомом раю?..
На холмах – усобицы кровная месть
И *дети Арбата* в строю.

Не слышно баллады в колодце двора,
Не видно и нужды в певцах.
Не мы ли отринули наше «вчера»
И слали проклятья в сердцах?..